

Татьяна Попова

**ЛИКИ ИСТОРИОГРАФИИ:
ИМЕНА И СМЫСЛЫ**

*“Что в имени тебе моем?”
А.С.Пушкин.*

*“Ну що б, здавалося, слова...”
Т.Г.Шевченко.*

Многоликая историография. Прологомены. Вероятно, в наше время немного найдется научных областей, название которых претерпело бы столько модуляций, сколько выпало на долю историографии. Не меняя внешний облик слова, этот феномен вечного и неуловимого знания в своем длительно длящемся бытии стал одним из ярких примеров полисемии: возможность одного имени иметь более, чем один, смысл. Поль Рикер именно так и определяет подобную ситуацию - проблема множественности смысла, суть которой в том, что “...какое-либо выражение, обладающее меняющимся значением, означая одну вещь, в то же время

означает и другую вещь, не переставая при этом означать первую”¹.

На протяжении последних трех столетий, т.е. времени, когда мы уже вправе говорить о “научной истории” (об этом, по крайней мере, существует негласная договоренность среди историков, несмотря на непрекращающиеся “внутрисемейные” споры по поводу “научности” своего поприща), шел процесс по упорядочению “имен” различных исследовательских направлений в рамках единого поля историописания и главного имени быстро формирующейся мегадисциплины – истории. Этот процесс характеризовался столкновением разных сил и был детерминирован факторами разнообразного порядка. В результате на какое-то время устанавливалось шаткое “единство” мнений, подкрепляемое обычно директивно вводимыми нормативами, что, тем не менее, не устраняло существующую постоянно как бы саму по себе практику терминологического однообразия при смысловой многомерности.

Слово **историография**, “множа” свои лики, распространялось в сообществе историков (и не только!); им жонглировали дилетанты, его превращали в титулатуру... “Узкая” и “широкая” смысловая начинка набивала оскомину, становясь предметом бесконечных дискуссий, которые приводили к временной победе одной “школы” и подрывали репутацию других... Зачем и во имя чего нам необходимо все-таки разобраться в этой мозаике смыслов одного именованья? Мы стремимся к одному смыслу – **историографии как истории исторической науки**, но он, этот смысл, ускользает в постоянном калейдоскопе сопредельных смыслов. Попробуем высветить несколько сюжетов этой бездонной истории об одном Слове и многих Именах...

Ad hoc: Самоназвание и институализация науки.

“Слово принадлежит наполовину тому, кто говорит, и наполовину тому, кто слушает”.

А.Монтень

Современный мир Науки включает в себя более 10 тысяч научных дисциплин. При всей условности этих подсче-

тов (есть минимум и в 1,5 тысячи, есть и другие цифры, что свидетельствует, в первую очередь, об отсутствии единых критериев в определении “научной дисциплины” и о наличии многомерной картины национально-региональных “дисциплинарных миров” с их традициями и проч.) понимание неизбежного расширения мира Науки в результате появления все новых и новых научных отраслей знания, которые со временем будут превращаться в научные дисциплины, требует тщательного отношения к определению их названий, к оперированию этими названиями, ибо название науки – дисциплины, ее “имя” – важнейший показатель ее возникновения, становления, развития и взаимоотношения с другими дисциплинами.

По М.Хайдеггеру, слово, “именование восстанавливает раскрывающего себя бытийствующего в его бытии, настоятельно, непосредственно и всемогущественно охраняет его самобытность, безграничность и постоянство его бытия”². У А.Ф.Лосева мы читаем: “...имя и есть сама вещь в аспекте своей понятности для других, в аспекте своей общительности со всем прочим”³. “Знать имя, – пишет он далее, – значит уметь пользоваться вещью в том или другом смысле. Знать имя вещи – значит быть в состоянии общаться и других приводить в общение с вещью”⁴. Однако “общение” возможно лишь на условии различения “себя-от-других”, в процессе и в результате самоидентификации. Уровень и формы этого “различения”, безусловно, имеют социальную градацию. Тем не менее, самоидентификация любого явления начинается с осознания принадлежности ему его имени. “...Только в имени, – подчеркивал А.Ф.Лосев, – обоснована вся глубочайшая природа социальности во всех бесконечных формах ее проявления...”⁵.

Характеристики науки как социального института можно скомпоновать в три блока: по предмету (содержательный признак), по методу и по т.н. “формальным критериям (признакам)”. Поскольку первых двух блоков “никогда не бывает достаточно для того, чтобы знать, на какой стадии своего формирования или развития находится та или другая наука”, т.к. “определение, уточнение предмета той или иной науки, очертание его границ продолжается по сути дела на протяжении всей истории данной науки”, – третий

блок играет особо важную роль для **идентификации науки**. К нему относятся: **наименование науки**; появление кафедр, лабораторий и научно-исследовательских институтов, где данная наука разрабатывается; создание факультетов и учебных заведений, готовящих кадры для этой науки; установление множественных связей данной науки с остальными науками; дифференциация этой науки и проч. Эти "формальные признаки" можно рассматривать как "фазы развития науки в их логическом следовании"⁶. Таким образом, логика "бытия" науки начинается с ее имени-названия. Но мы хотим выделить в этом понятии смысловой нюанс: нас интересуют **самоназвания**, т.е. "имена", которые "даются" той или иной науке ее представителями, "имена", которые возникают в научном сообществе - репрезентанте вместе со складыванием этого сообщества и осмыслением им той сферы научного знания, которой они занимаются.

Самоназвание - едва ли не главный критерий институализации науки. Поскольку когнитивная и социальная стороны процесса институализации взаимосвязаны, появление институтов какой-либо научной отрасли (системы нормативов, определяющих деятельность конкретных научных структур, в рамках которых осуществляется развитие этой отрасли) и институций ("наставлений" - хрестоматийно-дидактической литературы) требует унификации категориального аппарата, в составе которого, в первую очередь, - название этой научной отрасли. Гражданский статус научная дисциплина приобретает тогда, когда ее "признают": "родовая" наука и "коллеги" по "дисциплинарному семейству"; когда это "признание" приобретает реальные очертания в форме систематической подготовки узких специалистов-профессионалов, постоянного финансирования научных исследований в рамках институально закрепленного предметного поля и др.; наконец, в форме "узнавания" ее, этой дисциплины, представителями "широкой научной общественности". В этом случае речь идет уже о переходе самоназвания в официальное название - "имя" данной научной и учебной дисциплины, под которым она "входит" в "официоз", - нормативные документы.

Разумеется, следует учитывать "уровни" дисциплин.

Дисциплины, превратившиеся уже в дисциплинарные семейства, насчитывающие не одно столетие своей жизни - т.н. классические, фундаментальные науки "владеют" закрепленным за ними родовым "именем": физика, математика, астрономия, философия и других. Это имя стало уже привычным, т.е. вошло не только в научный обиход, но и в культурно-лексическую практику в образе стандартизированной общесовременной традиции. Тем не менее, несмотря на ясность родового имени, внутри этих мегадисциплин возникают также свои сложности смыслового характера. Дж.Агасси отмечает: "Идентифицировать смысл "ньютонической механики" можно только в том случае, если класс людей, использующих это выражение, опирается приблизительно на одни и те же основания"⁷. Среди этих оснований - социокультурные. Б.Г.Юдин выделяет две социокультурные характеристики научного знания: 1) определенность знания, задаваемая социокультурным контекстом и 2) диалогичность научного объяснения. Первая позиция предполагает тот факт, что при построении научного объяснения ученый опирается на некоторую, хотя и широкую, но отнюдь не безграничную совокупность (поле) образов и представлений, которые заимствуются им из социокультурного контекста, т.е. на конкретно-историческую "модель воображения". Вторая позиция ориентирует на рассмотрение процедуры объяснения как "свернутого" диалога, ибо, несмотря на то, что объяснение-понимание безусловно является однонаправленным (монологичным) и адресовано безличностному реципиенту ("принимающему индивиду"), интересующему и общезначимому интерпретации знания-объяснения детерминирована тем, что и процедура объяснения и его образность (сумма понятий, аналогий, метафор, символов, дискурса и проч.) апеллируют не столько к опыту индивидуальному, сколько к определенным всеобщим структурам практики и культуры. Таким образом, изменяющееся в истории поле этих структур оказывается как бы предпосланным научной познавательной деятельности. Сам же социокультурный контекст функционирования и развития знания включает три основных пласта: 1) мировоззренческий контекст, 2) контекст образования, 3) контекст практического приложения знаний. Каждый из них в

том или ином плане регулирует процессом научной деятельности, поэтому и функционирование знания в данных контекстах не является чем-то внешним по отношению к собственной природе знания, а его результаты (новое знание) уже “преадаптированы” по отношению к этим контекстам. Именно это и позволяет новому знанию “включиться” в соответствующие системы социальных связей⁸.

Если самоназвание научных дисциплин рассматривать, как один из символов-представлений сквозь призму социокультурных контекстов, то весьма важным представляется вывод Поля Рикера, который, осмысливая “Введение в метафизику” М. Хайдеггера, заключает: “Образование имени свидетельствует одновременно об открытости бытия и о его ограниченности в наличном языке”⁹. Самоназвание новой отрасли знания – будущей новой дисциплины в рамках “родовой” науки – появляется сначала как обозначение нового исследовательского направления, что отражает закономерное расширение проблемного поля “старого” знания (расширение предмета “родовой” науки). Но это новое имя-понятие будет связано уже существующей традицией научной лексики, хотя представители и родоначальники нового знания неизбежно попытаются “вырваться” из наличных нормативов: отделить “себя-от-других” через поиск новой терминологии.

Безусловно, каждая дисциплина уникальна и собой, и своей историей, несмотря на определенный универсализм процесса институализации¹⁰. Но полотно дисциплинарной истории еще не написано. Будем же “возделывать свой сад” и складывать мозаику своей дисциплины – истории исторической науки...

Из истории историографии - I. В поисках своего имени.

“Что значит название? – То, что мы называем розой, пахло бы так же хорошо, какое бы имя мы ему ни дали”.

У. Шекспир.

Поиски имени новой дисциплины, постепенно формирующейся в рамках исторического знания и занявшейся осмыслением истории самой истории, были довольно продол-

жительны. Формула “история исторической науки” т.е. название, наиболее полно, по мнению Р.А.Киреевой, отражающее дисциплину, возникло в XIX веке: “...дореволюционная историческая наука подходила к нему, пользовалась им, но не закрепила его в своей практике”¹¹. Если суммировать варианты названия новой дисциплины, выявленные в историографической литературе XIX - начала XX вв. Р.А.Киреевой, И.И.Колесник, В.И.Чесноковым и др., то общая картина будет слагаться из следующих понятий: “литература русской истории”, “литература науки русской истории”, “обозрение литературных мнений”, “историческое ведение”, “историческое деписание”, “история русского самопознания”, “течения исторической мысли”, “разработка русской истории”, “история русской истории”, “история работы русской мысли над русской историей”, “история русской исторической литературы”, “критическая российская история”, “история критики”, “историческая критика”, “наука литературы русской истории”, “история науки”, “история истории”, “история исторической науки”, “история историографии”, “русская (украинская, западно-европейская) историография” и других.

Для первой половины - середины XIX в. использование термина “историография” для обозначения новой отрасли исторического знания было не характерно и лишь к концу XIX в. это слово в новом качестве стало чаще встречаться в названиях публикуемых работ. По мнению Р.А.Киреевой, ученые постепенно в лекциях, а позже и в печатных работах “вместо этих сложных словосочетаний” все чаще стали использовать “как синоним более удобное и компактное слово “историография”. Именно “практичность” в применении способствовало широкой практике этого термина в научной лексике университетских ученых конца XIX - начала XX вв. Однако, слово “историография” распространялось на различные виды исторических работ¹², а новое историко-научное направление в рамках исторического знания на протяжении второй половины XIX - начала XX вв. продолжало существовать под разными именами. Вместе с тем, явственно определялась тенденция к их сокращению: большинство специалистов-историографов предпочитали одно или несколько из шести основных. Это – “история науки

русской истории" (в Украине эта традиция шла от П.В.Павлова, профессора университета св.Владимира, к его ученикам - И.В.Лашнюкову и В.С.Иконникову и их ученикам и последователям - А.И.Маркевичу и др.); "история науки", "история истории", "история историографии", "история исторической науки", "историография". И все-таки трудно найти в этот период ученого, который бы однозначно применял только один вариант из самоназваний формирующейся дисциплины.

А.Г.Брикнер, один из немногих, был более последовательным в различии терминологии. Его лекционные курсы в Новороссийском университете в конце 1860-х гг. назывались: "Энциклопедия и методология истории" и "Историческая критика". В 1880-е гг. в Дерптском университете он читал курсы под такими названиями: "Теория истории", "Обозрение исторической литературы России", "История истории России" и других.¹³ В лексиконе А.Г.Брикнера несколько понятий. Сама родовая наука выступает под "именами": "история" и собственно "историческая наука"; понятия же "искусство историографии" и "историческая наука вообще" он разделяет. Первое в его контексте означает синоним "историописания", создание исторической литературы, сочинений на историческую тематику. "История во второй степени" имеет два "имени": "история истории" и "история исторической науки". Понятие "история историографии" А.Г.Брикнер употребляет в значении "истории общей литературы истории", или "истории исторической литературы". При этом он совершенно четко указывает на то, что "история историографии есть только часть истории истории"¹⁴.

Традиция истории историографии как истории исторической литературы, которая, по мнению А.Г.Брикнера, имела уже полувековой период своего развития, ограничивалась оценкой литературных достоинств исторических сочинений, и ее последователи занимались даже не историей общей литературы истории, а делали своим предметом "разбор отдельных историков" - Фукидида, Л.фон-Ранке, А.Шлоссера и др. Общие очерки, констатировал А.Г.Брикнер, встречаются редко и среди них он выделял диссертацию

М.Н.Петрова (Харьковский университет) "Новейшая национальная историография в Германии, Англии и Франции". В предмет же "истории истории" - истории исторической науки - А.Г.Брикнер вводит историю метода, появление и разработку новых групп исторических материалов, "сообразно с которыми и должен...изменяться метод", т.е. - "развитие критики при занятиях историей"¹⁵.

В 1868/69 гг., будучи вольнослушателем Новороссийского университета, лекции ординарного профессора кафедры всеобщей истории А.Г.Брикнера посетил А.И.Маркевич. Первая пробная лекция, прочитанная им, уже приват-доцентом, в январе 1880 г. в университете - "Историческая критика в трудах новейших русских историков", содержала вполне отчетливое положение: "Историческая критика есть часть историографии, поэтому она и совершала свое развитие в прямой зависимости от историографии"¹⁶. Поясняя задачи своей магистерской диссертации, которая имела подзаголовок "Русская историография в отношении к местничеству", А.И.Маркевич писал, что исследование было посвящено "критическому обозрению того материала, в котором заключался вопрос о древнем русском местничестве, равно как и критика тех мнений и целых теорий, которые были высказаны о нем в историографии"¹⁷.

С XVIII в. в общеевропейской традиции постепенно закреплялся новый нюанс в значении термина "историография": не просто историческая литература, но оценка литературы конкретного вопроса, или критическая история изучения конкретной проблемы. Еще А.З.Зиновьев и А.Ф.Федотов историю исторической науки связывали с появлением в России XVIII в. "критической истории", в основе которой - развитие исторической критики¹⁸. Именно эта линия составила основу формирования т.н. "критического направления" в исторической науке, способствуя накоплению теоретико-методологического арсенала исторических исследований и превращая постепенно "историографию" как "историописание" в собственно историческую науку. В.О.Ключевский в своих лекциях по источниковедению (осень 1888 г.), анализируя особенности развития российской исторической науки, формулирует: "Наша историография еще надолго должна оставаться преимущественно исторической

критикой”¹⁹.

В понимании (и лексиконе! – Т.П.) В.С.Иконникова “предмет историографии” составляет “критическое изучение источников и литературы истории в их постепенном развитии...”²⁰. Формулируя содержание своей работы (“систематический обзор источников русской истории и история развития ее науки...”), а также характеризуя кратко “труды по русской историографии”, он везде выделяет две составляющие “собственно историографических вопросов”: “обозрение источников” и “история русской истории” (“развитие науки русской истории”). Для него “...полный очерк русской историографии...обнимает как обзор источников, так и историю науки...”. При этом термины “обзор”, “обозрение” у В.С.Иконникова – это не только и не столько библиография, сколько “критический разбор”, “оценка” трудов историков – “обработки русской истории” (“пособий для отечественной истории”), критическая оценка “мнений писателей”²¹.

Последующее развитие рефлексивной составляющей “историографии” – “исторической науки” - в форме критического анализа воззрений ученых в целом или по отдельным проблемам, анализа применения ими критического метода определило самостоятельное направление исторических исследований, которое, по традиции (ибо в основе был обзор литературы) стали называть “историографией”, продублировав уже в новом значении старый термин.

На протяжении XIX века в системе исторического знания шел интенсивный процесс формирования его историко-научной составляющей как вполне самостоятельного структурного подразделения. В университетах Российской империи эта линия трансформировалась в учебную дисциплину и определила новое значение термина “историография” как истории самого исторического знания. Университетская практика второй половины XIX - начала XX вв. закрепила в учебных планах историографические курсы²². Именно “критический стержень” - критический обзор литературы, включая “критику источников” и “критику мнений”, а точнее - обзор (анализ) применения историками критического метода (исторической критики) составляли основное содер-

жание историографических исследований и историографических курсов. А.И.Маркевич пишет о содержании своего курса “Русская историография”, который он читал в Новороссийском университете в 1880-1882 гг.: “Оба года я читал собственно об источниках русской истории, присоединив к этому на второй год и очерк науки русской истории...”

...Чтению лекций об источниках предшествовало введение в курс историографии, посвященное исторической критике и иным историографическим вопросам...²³. П.В.Голубовский, ученик В.Б.Антоновича, четко формулирует две главные задачи историографии: “критический анализ источников первой руки и сведения о них” и “изложение истории изучения известного вопроса в генетическом его развитии”, при этом вторая задача следует за первой, “потому что только после ознакомления с самим источником можно критически отнестись ко всем тем теориям и учениям, которые могут о нем существовать”²⁴. Содержание “изложения истории вопроса” для него - не “перечисление чужих мнений”: “Библиографию с историографией смешивать нельзя”, - категорически заключает П.В.Голубовский, - водораздел между ними именно критическое начало историографии²⁵.

На протяжении второй половины XIX - начала XX вв. среди формирующегося сообщества историографов происходило утверждение более широкого понимания проблемного поля новой научной дисциплины. В него стали включать историю исторической мысли, представленную в критическом обзоре воззрений отдельных историков или течений и школ, в анализе специальных исследований, в истории исторических учреждений и др.²⁶. Новую дисциплину рассматривали в контексте истории науки в целом, истории культуры, истории идей. А.С.Лаппо-Данилевский поднял уже до “истории в третьей степени” и отчетливо поставил вопрос о термине, выражающем “имя” новой дисциплины. Он отмечал: “История термина “историография” показывает, что он первоначально обозначал или самый процесс составления (ср. должность историографа) исторического сочинения, обыкновенно в национально-патриотическом, официальном духе, или данную совокупность таких сочинений, рассматриваемую в данных пределах времени и

пространства". Постепенно термин "историография" утратил прежний специальный смысл, обозначающий историческую науку вообще, и все больше стал включать в себя "преимущественно сочинения, обнаружившие какую-либо цельную концепцию истории человечества: или целой страны, или нации и т.п."²⁷. Тем не менее, и А.С.Лаппо-Данилевский колебался при выборе названия: "история науки", "история истории", "история историографии" и просто "историография" - этими понятиями он "покрывал" одно направление - историю исторической науки. "Официоз" рубежа XIX - XX вв., выраженный в статьях "Энциклопедического словаря" Ф.А.Брокгауза и И.А.Ефрона, констатирует: "Историография - термин недостаточно определенный, иногда отождествляемый с историей, понимается: 1) как изучение исторической литературы какого-либо предмета...2) как синоним исторической литературы. В последнем значении обзор Историографии является как бы "историей истории", и в этом смысле термин Историография получил право гражданства в целом ряде специальных трудов последних десятилетий"²⁸. Для этого определения характерно то, что термин "историография" как синоним самой исторической науки уже не выступает ведущим - он выводится за нумерацию перечисляемых смыслов, а понятие "обозрение источников" исчезает, как бы "растворяясь" в понятии "изучение исторической литературы".

Из истории историографии - 2. Новая эпоха: "Вчера".

"Когда употребляют старое слово, то часто оно идет к разуму по каналу, который прорыт еще азбукой.."

Г.Лихтенберг.

Советская наука с характерной для нее "жесткой" конвенциональностью, получив в наследие от "старой школы" ведущую триаду значений термина "историография", устремилась по пути унификации понятий. Однако путь этот был длительным и далеким от исторической линейности...

На протяжении 1960-1980-х гг. в сообществе советских историографов сформировались, наконец, следующие нормативы: термин "историография" в значении самой истори-

ческой науки был признан архаичным (хотя в практическом лексиконе он имел "хождение"); понятие историографии как литературы по какой-либо проблеме с 80-х гг. в кругу специалистов-историографов все чаще стало заменяться формулой "проблемная историография"; третья линия привела к утверждению специальной исторической дисциплины, изучающей историю исторической науки, проблемное поле которой было достаточно широким. К рубежу 1980-1990-х гг. содержание этой научной дисциплины определяли в диапазоне: 1) история исторической мысли и история исторической науки как социального института; 2) история историографического процесса во всей его многомерности. Многочисленная "хрестоматийно-дидактическая литература" (учебники В.И.Астахова, В.Е.Иллерицкого и И.А.Кудрявцева, А.М.Сахарова, Л.В.Черепнина, А.Л.Шапиро и других историографов), концептуальные работы М.В.Нечкиной, И.Д.Ковальченко, Ф.П.Шевченко, А.В.Санцевича, В.Г.Сарбея и многих иных фундаторов²⁹ "новой-старой" дисциплины, официальные документы - программы и проч., быстро появившиеся новые названия кафедр в университетах и педагогических институтах, отделов и секторов в академических учреждениях, специализированных координационных структур и др., способствовали закреплению основного "коридора" нормативных смыслов и имен. "Территория историографии" в значительной мере расширилась, появился блок различных понятий, означающих определенные направления историографических исследований: "проблемная историография", "история историографии", "биоисториография", "культурология историографии", "региональная историография" и др.

В среде историографов термин "историография" приобрел новое звучание - он стал обозначать науку³⁰. Вместе с тем, имела место и другая тенденция. Ф.П.Шевченко, рассматривая статус историографии, исходил из специфики ее предмета, который и определял, по его мнению, место этой дисциплины в составе исторической науки: "...те, що вона займається вивченням вторинного процесу - історії історичної науки - є свідченням її підпорядкованості конкретно-частковим цілям, дає підставу вважати її спеціальною (допоможною) історичною дисципліною"³¹. А поскольку сама историческая наука "становить єдину, цільну галузь людських

знание, ... немає ніяких методологічних підстав в єдиній історичній науці перетворювати (вірніше, тільки за назвою) окремі її галузі, напрями і дисципліни в науку (наприклад, воєнно-історична наука, історико-партійна наука, археологічна наука і т.д.). Значення цих галузей, їх специфіку можна і потрібно показувати не шляхом посилення назв”³².

И в реальной практике историков, и в словарно-энциклопедической литературе продолжала сохраняться смысловая полифония³³. Даже в среде профессиональных историографов имела место разногласия по поводу главного имени своей дисциплины. В частности, А.М.Сахаров предлагал “преодолеть ту многозначность термина “историография”... которая нередко ведет к смешению разных понятий” и употреблять “слово “историография” там, где речь идет об анализе литературы по какой-либо проблеме”. Историографию же в смысле истории исторической науки, по его мнению, следовало именно так и называть – “история исторической науки”³⁴.

Необходимо учитывать и тот факт, что, несмотря на “историографический бум” 1960-1980-х гг., новейшие разработки в теоретической области историографии не стали достоянием широкого круга историков, и многие положения “переднего края” этой дисциплины в силу ряда факторов не успели войти в ее “жесткое ядро” - научно-дидактическую хрестоматию профессионалов³⁵. Но, тем не менее, термин “историография” в значении истории исторической науки (“истории во второй степени”) закрепился за специальной исторической дисциплиной, которая в рамках этой эпохи получила свой гражданский статус со всеми атрибутами “дисциплинарности”³⁶.

Из истории историографии-3. Новая эпоха: “Сегодня”.

“ - ...сегодня утром, когда я встала, я это была или не я? Кажется, уже не совсем я! Кто же я такая в таком случае?”

*Льюис Кэрролл.
 (“Алиса в стране чудес”).*

Мишель Фуко рассматривал дисциплину как “принцип

контроля над производством дискурса”. Дисциплина, по его мнению, устанавливает границы дискурса “благодаря игре идентичности, формой которой является постоянная реактуализация правил”³⁷. В наше время - “интенсивного вхождения” в мировой историографический процесс - в странах “постсоветского пространства” происходят сложные и болезненные процессы самоидентификации национальных наук, особенно - социогуманитарных. Ученые ищут оптимальные варианты, балансируя подчас между Сциллой и Харибдой – “принять то, что на Западе” (в том числе - терминологический аппарат), или идти “по своему пути”, альтернативно уже запрограммированному: сохраняя (и даже культивируя) прежние научные традиции или рождая симбиоз между национально-региональной спецификой и консенсусными нормативами “западной” науки (весьма “демократичной”, кстати, в плане научной лексики).

Ситуация последнего десятилетия XX века в области историографической подготовки во многом напоминает положение с историографическими курсами в университетах Российской империи во второй половине XIX в. В реальной практике университетских преподавателей сегодня, как и сто лет тому назад, одинаковые названия “покрывают” различные по содержанию и структуре курсы, либо аналогичное содержание выступает под разными “именами”³⁸. Однако, как уже было отмечено, в то время только определился переход к дисциплинарной стадии в развитии историографии как истории исторической науки со всей спецификой, присущей начальному этапу в этом длительном и непростом процессе.

А.М.Сахаров, оценивая еще в 1970-е гг. общую тенденцию формирования историографической науки, писал: “Чем дальше, тем глубже и одновременно шире становился объект изучения (или объекты изучения, точнее сказать); возникшая ныне практика и ее теоретическое обобщение стремятся интегрировать изучение многих объектов в одном понятии историографии”³⁹. Р.А.Киреева также отмечала, что практика широкого употребления термина “историография” не является спецификой исторической области знания. Так, в литературоведении обособились и получили свои наименования самостоятельные отрасли: теория лите-

ратуры, история литературы, литературная критика, хотя термин "литературоведение" покрывает собой все эти направления. Поэтому и термином "историография" традиционно называют различные виды исторических работ⁴⁰. Положение о неизбежном расширении предметно-объектной области научного знания констатировалось многими учеными⁴¹.

Сторонники различения объекта науки и ее предмета исходят из того, что под объектом следует понимать определенную область реального мира, в то время как предмет представляет собой часть этой области, уже выделенной наукой и ставшей в главном (хотя и не в деталях) содержанием научного познания. Поскольку каждая сфера реального мира многообразна, она подразделяется на множество "подобластей", имеет разнообразные уровни и стороны. В силу этого "каждая наука в процессе своего развития постепенно распадается на множество дисциплин, каждая из которых специализируется на изучении той или иной подобласти, того или иного уровня, той или иной стороны, т.е. имеет свой собственный предмет, отличный от предметов других родственных ей субнаук"⁴². Понятие "научная дисциплина" рассматривается в разных планах: в вертикальном, горизонтальном; как структурный компонент науки, как ее конкретно-историческая форма или стадия в развитии и проч.⁴³. Одним из вариантов и выступает понятие "дисциплина" как следствие процесса структурирования родовой науки в результате "расширения" ее предметно-объектной сферы. Научная дисциплина предстает в данном случае как разновидность общего знания; ее возникновение связано с осознанием особого "фрагмента" в общем объекте родовой науки, нового направления исследований со своим предметом, формирующимся как особый "образ" объекта. По этой схеме идет Ю.И.Семенов, выстраивая комплекс научных дисциплин, составляющих этнографическую (этнологическую) науку (при этом собственно историческую науку он называет историологией). Аналогичный подход у Н.П.Ковальского, предложившего свой вариант "видов историографических наук (или дисциплин)": собственно историография, история историографии, историология (теория исторического и историографического познания) и философия истории⁴⁴.

Термин "историография" на сегодняшний день опять приобрел обширный спектр значений: он покрывает и сферу исторического знания о предмете собственно истории, и сферу историографического знания о самом историческом знании и его институтах. Таким образом, включая в историографию различные виды вообще исторических исследований, сторонники "широкого" применения данного термина, по сути, лишают историографическую науку ее специального дисциплинарного статуса. Это "растворение" историографии в общем комплексе исторических исследований создает сложности и в четком структурировании историографической области знания, что отражается на понимании содержания, в первую очередь, учебных историографических дисциплин, на их названиях и самоназваниях.

Историографическая наука как научная дисциплина, изучающая историографический процесс в целом, во взаимосвязи всех его компонентов имеет сегодня значительное предметное поле. Внутри нее сложились уже самостоятельные научные направления, отрасли историографического знания, репертуар которых будет со временем расширяться. Отныне не только история, но и историография пишется на основе множественности взглядов и оценок и предметом ее интересов выступают часто междисциплинарные сюжеты.

Междисциплинарность в конкретных исследованиях и одновременно усиливающаяся их фрагментарность на фоне новой волны эпистемологических изысканий не должны разрушать ощущения своей принадлежности к дисциплинарной общности среди профессионалов-историографов. И в качестве инструмента объединения должно выступать стремление к единству в понимании смыслового ядра своей науки, ее структуры, самоназваний ее подразделений и ее официального имени, стремление к развитию тех традиций⁴⁵, которые ориентируют на сохранение территориальной целостности такого сложного феномена, каким является **историографическая наука**.

¹ Рикер Поль. Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике. М., 1995. С.97.
² Цит. по: Рикер Поль. Указ. соч. С.359.

- 3 Лосев А.Ф. *Философия имени*. М., 1990. С.185.
- 4 Там же.
- 5 Там же. С.20.
- 6 См.: Джахая Л.Г. Место научной теории в дисциплинарных структурах // *Наука и наукознание*. 1994. № 1/2 С.21.
- 7 Структура и развитие науки. М., 1978. С.138.
- 8 Юдин Б.Г. *Методологический анализ как направление изучения науки*. М., 1986. С.138-140.
- 9 Рикер Поль. *Указ. соч.* С.360.
- 10 См.: Уитли Р. *Когнитивная и социальная институционализация научных специальностей и областей исследования* // *Научная деятельность: структура и институты*. М., 1980. С.218-256 и др.
- 11 Киреева Р.А. *Изучение отечественной историографии в дореволюционной России с середины XIX в. до 1917 г.* М., 1983. С.74-75.
- 12 См.: Киреева Р.А. *Указ. соч.* С.75-76; Колесник И.И. *Историографическая мысль в России: от Татищева до Карамзина*. Днепропетровск, 1993.
- 13 См.: *Обозрение преподавания наук в Имп. Дерптском университете за 1881-1888 гг.* С.10; *Обозрение преподавания наук в Имп. Новороссийском университете за 1868/69 уч.г.* С.1-3; *Протоколы Совета Имп.Новороссийского университета*.1869. 23 дек. С.170-171.
- 14 См.: Брикнер А.Г. *О главных задачах исторической науки* // *Краткий отчет о состоянии и действиях Имп. Новороссийского университета в 1867/8 академическом году*. Одесса, 1868. С.4-16.
- 15 Там же. С.11-12.
- 16 Маркевич А.И. *Историческая критика в трудах новейших русских историков* (Пробная лекция, читанная в Новороссийском университете магистром русской истории университета св.Владимира Ал.Марковичем) [Одесса, 1880]. С.1, 14.
- 17 Маркевич А.И. *История местничества в Московском государстве в XV-XVII вв.* Одесса, 1888. С.1.
- 18 См.: Зиновьев А.З. *О начале, ходе и успехах критической Российской истории*. М., 1827; Федотов А.Ф. *О главнейших трудах по части критической русской истории*. М., 1839.
- 19 Ключевский В.О. *Сочинения: В 9 т.* М., 1989. С.7. Т.VII.
- 20 Иконников В.С. *Опыт русской историографии*. К., 1891. Т.1. С.258.
- 21 См.: Там же. С.258-269.
- 22 См.: Киреева Р.А. *Указ. соч.*; Алленов С.Г., Матвеева М.С. Чесноков В.И. *К вопросу о преподавании историографии в университетах дореволюционной России* // *Проблемы истории оте-*

чественной исторической науки. Воронеж, 1981; Чесноков В.И. *Пути формирования и характерные черты системы университетского исторического образования в дореволюционной России* // *Российские университеты в XIX - начале XX вв.: Сб. статей*. Воронеж, 1996. С.3-29; Попова Т.Н. *Становление историографии как специальной исторической дисциплины: некоторые аспекты проблемы* // Там же. С. 44-55 и др.

23 Маркевич А.И. *О летописях*. Из лекций по русской историографии. Одесса, 1883. Вып.1. Предисловие.

24 *Киевская старина*.1883. Т. VI. С.745.

25 Там же. С.748.

26 В статье не рассматривается проблема предмета историографии: хотя этот вопрос тесно связан с проблемой самоназвания, но не идентичен ей.

27 Цит. по : Киреева Р.А. *Указ. соч.* С.80-81.

28 *Энциклопедический словарь / Изд.Ф.А.Брокгауза и И.А.Ефрона*. СПб., Т.26. С.488.

29 Акцент сделан на работы т.н. "отечественников".

30 См.: Рубинштейн Н.Л. *Русская историография*. М., 1941. С.7, 9; *Очерки истории исторической науки в СССР*. М., 1955. Т.1. С.5; Черепнин Л.В. *Русская историография до XIX века*. М., 1957. С.4; Сахаров А.М. *О предмете историографических исследований* // *Методология истории и историография* (Статьи и выступления). М., 1981.С.104 и др.

31 См.: Шевченко Ф.П. *Історіографія – важлива історична дисципліна* // *Історіографічні дослідження в Українській РСР*. К., 1968. Вип.1. С.9.

32 Там же.

33 См.: *Толковый словарь русского языка / Под ред. проф. Д.Н.Ушакова*. М., 1935. Т.1. Стб. 1257; *Советский энциклопедический словарь*. М., 1983. С.511; *Изучение отечественной истории в СССР между XXV и XXVI съездами КПСС*. М., 1982 и др.

34 Сахаров А.М. *Указ. соч.* С.127.

35 См. подробнее: *Історіографія як наукова та учбова дисципліна: матеріали "круглого столу"* // *Українська історична наука на порозі XXI століття*. Харківський історіографічний збірник.. Харків, 1997. Вип.2. С.163-188.

36 См.: *Специальные исторические дисциплины*. Киев, 1992.С.132-134.

37 Фуко Мишель. *Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет*. Пер. с франц. М.;Касталь, 1996. С.6.

38 См. например: учебные планы Министерства образования

Украины для исторических факультетов государственных университетов (квалификация “бакалавр”, “специалист”, “магистр”). Кроме того, “сегодняшние” программы таких курсов, как “Методология истории”, “Историософия и методология истории” и проч., напоминают (по структуре и содержанию) “вчерашние” историографические. Эти явления требуют тщательного анализа для определения новых тенденций в развитии исторической рефлексии и ее дисциплинарных образов.

³⁹ Сахаров А.М. Указ. соч. С.104.

⁴⁰ Киреева Р.А. Указ. соч. С.76.

⁴¹ См.: Ковальченко И.Д. Методы исторического исследования, М., 1987. С.42-45 и др.

⁴² Семенов Ю.И. Предмет этнографии (этнологии) и основные составляющие ее научные дисциплины // Этнографическое обозрение. 1998. № 2.С.3.

⁴³ Дисциплинарность и взаимодействие наук. М., 1986 и др.

⁴⁴ См.: Семенов Ю.И. Указ. соч. С.3-17; Ковальський М.П. Деякі теоретичні питання української історіографії // Джерелознавчі та історіографічні проблеми історії України: Теорія та методи. Міжвуз.зб. наук. праць. Дніпропетровськ, 1995. С.5-9.

⁴⁵ О различных дисциплинарных традициях см. подробнее: Попова Т.М. Історіографія в дисциплінарному сімействі історичних наук //Історіографічні дослідження в Україні. К., 1999. Вип.9; Ее же. Историография сквозь призму дисциплинарных традиций // Записки історичного факультету Одес. держ. ун-ту. Одеса, 1999. Вип.8.